

УДК 323.2:28

М.Б. Канапацкий,

кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и права БГПУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЛИДЕРСТВО В РАЗВИТИИ ИСЛАМСКОГО ОБЩЕСТВА

Практика политического развития позволяет существенно обогатить, пополнить арсенал политической теории. До недавнего времени феномен политического лидерства рассматривался сугубо как принадлежность социального поведения. Государство же как политический институт, субъект политического процесса оставалось в тени, вне поля зрения научного анализа. Нынешний этап политического развития детерминирует стремление отдельных государств к доминированию в мировой политике. Эта тенденция хотя и обретает порой императивный характер, но в условиях нестабильности в мире опасна для мирового и регионального развития.

Кризисная ситуация на Ближнем Востоке актуализирует данную проблему, что вынуждает исследователей, политиков искать причины нестабильности восточной цивилизации. Субъективная оценка ситуации с опорой на какие-то определяющие факторы не позволяет рассматривать явление системно, комплексно. Важно осознать, что развитие восточного общества предполагает иное, отличное от западного мировоззрение, стратегию по данному вопросу. На протяжении столетий оно являлась аккумуляющим фактором, стимулировало единство и сплоченность. Идея халифата, наместничества предполагала наличие символического центра исламского мира, являлась принадлежностью различных исламских цивилизаций. Османская империя подвела черту под эпохой наместничества, ознаменовала эпоху противостояния и породила кризис в исламском мире. *Цель исследования* – анализ лидерства в арабском и исламском мире в нынешних условиях ориентации на те или иные мировые державы как центры силы. К примеру, Турция на протяжении послевоенных десятилетий активно поддерживает США, выстраивает дружеские отношения с Израилем. Страны Персидского залива – Саудовская Аравия и ОАЭ – являются союзниками США в регионе. Наличие региональных организаций не является показателем единства и стабильности, согласованности при принятии решения.

Фактор ориентации детерминирует особенности развития того или иного модернизационного проекта, задачи исследования. В статье рассматриваются разные модели государственного лидерства, опосредованные особенностями исламской идеологии. Турецкая модель

достаточно популярна в исламском мире, но не является уникальной, а сочетается с другими, которые стимулируют напряженность и конфронтацию в регионе. Исследование различных моделей государственного лидерства позволяет обосновать прогноз регионального развития и выделить государства, которые в ближайшей перспективе будут доминировать в регионе. Освещение данной проблемы стало возможно благодаря исследованию различной литературы, преимущественно иностранной: французских, турецких и арабских авторов, материалов периодической печати.

Анализ обширного источниковедческого материала позволяет утверждать, что исламская цивилизация переживает сложный период модернизации. Этот процесс затрагивает разные сферы восточного общества, опосредует необходимость определения места и роли ислама в современных условиях. Исламское возрождение как процесс стимулирует социальное противостояние реформаторских и исламистских слоев общества. Изменения в странах Магриба являются наглядным доказательством такой тенденции. Противостояние вышло за рамки одной отдельной страны и приобрело региональный и международный характер. Лейтмотивом конфронтации является само исламское вероучение. Оно используется порой как некое идеологическое оправдание враждебности по отношению к тому или иному политическому режиму, политическому оппоненту. Противостояние между шиитами и суннитами вылилось в конфронтацию между Сирией и Ираном, с одной стороны, и странами Персидского залива – с другой, финансирующими мятежников в Сирии, и обвиняющие режим Б. Асада в несоблюдении канонов ислама и угнетении суннитского большинства.

Эти обвинения не стыкуются, расходятся с положениями ортодоксального ислама Корана и Сунны Пророка. Исламская идеология детерминирует идею единобожия, не приемлет властвование людей. Это положение регулирует поведение, властные амбиции отдельного индивида, целого класса, общества, народа. Властвование является исключительной прерогативой Всевышнего и не может быть атрибутом ни одного из представителей рода человеческого. Нет власти кроме его власти и нет закона кроме его закона. Исламская конституция, шариат детерминирует законы госу-

дарства: халифат, наместничество, заместительство. Она утверждает, что человек в этом мире замещает Всевышнего в управлении его земным царством [1].

Турецкий проект исламского лидерства сформировался как результат наследования традиций халифата, представлял собой сочетание неарабской тюркской традиции и исламского мировоззрения.

Проект турецкого халифата рассматривал государство как некое идеологическое основание религии, а право выполняет вспомогательную функцию, располагает собственной правовой системой и источниками. Рассматривая Коран как Новый закон, а Аллаха в качестве подлинного главы государства, халифат стимулировал чувства уважения подданных. Церемония инаугурации правителей предполагала изначально клятву верности исламскому закону, а затем Конституции. Эта традиция, сложившаяся на протяжении столетий, является достоянием определенной части турецкого общества, общественного самосознания. Попытки изменить существующее статус-кво вызывают противодействие, которое порой приобретает антипатриотический характер. Кораническое положение о приоритете исламской общины умело используется современными политиками с целью привлечения их на свою сторону. Одни используют исламскую риторику из тактических соображений приобретения популярности и политического авторитета, другие действуют достаточно осознанно с целью дезориентации общества. Исламский фактор приобретает все большую значимость и популярность. Традиция халифата, бывшее имперское величие придают исламизации закономерный характер и вносят существенные коррективы во внутреннюю и внешнюю политику.

В последнее время в политической теории часто используется понятие «умеренный ислам». Его возникновение обусловлено объективными и субъективными факторами. Мировая общественность проявляет беспокойство по поводу участившихся актов насилия в разных странах. Они приобретают отчетливо выраженную исламистскую окраску. В этой обстановке нестабильности западная демократия предпочитает так называемые умеренные политические режимы, использующие ислам в сочетании с идеями демократии. Само исламское мировоззрение содержит достаточно много положений, позволяющих предотвратить конфронтацию, предполагает уважительное отношение к разным религиям. Паритетное сосуществование различных религий опосредовало веротерпимость, неприятие насилия по отношению к представителям других вероисповеданий.

Политика создания светского государства привела к ликвидации халифата, способ-

ствовала внедрению в общественное сознание национальной идеи, изменению исламской традиции. В общественном сознании турецкого общества национализм ассоциируется как синоним реформирования, средство преодоления вековой отсталости. Поборники национализма обращаются к творческому наследию Зия Гекальпа, рассматривают общество как некое единое целое образование, гарант социальной гармонии. Популяризация в широких общественных кругах национализма означает в то же время неприятие исламской идеологии как препятствия общественному развитию. Идеология национализма постепенно приобретает интернациональный характер, получает развитие в тюркских ареалах и регионах Османской империи.

Модернизация общества по западному образцу формально означала победу национализма. В действительности же ее можно классифицировать как временный успех. Практика развития турецкого общества показала, что ислам не только сохранил свои позиции в общественном сознании, но и значительно упрочил. Реформирование турецкого общества позволило адаптировать исламскую идеологию к новым социально-политическим реалиям.

В условиях развития демократии и парламентаризма возросла роль избирателей, электората при принятии политических программ и решений. Либерализация в послевоенные годы стимулировала легализацию исламских ценностей, их востребованность в политическом развитии. Это позволило стимулировать компромисс между исламистами и националистами. Как отмечает турецкий исследователь С. Ялчин, турецко-исламский синтез приобретает все большую значимость и популярность [2]. Высказывается озабоченность относительно нарастающей угрозы исламизма. Газета «Джумгурия» в передовой статье сравнивает угрозу исламизма с экономическими трудностями [3].

Идеология умеренного исламизма состоялась в результате развития конкретной страны. Она характерна для правящей в Турции Партии Справедливости и развития, становится популярной, востребованной в странах, когда-то входивших в состав Османской империи. Подобная идеология не предполагает реформирование ислама. Напротив, использование исламского фактора позволило Турции претендовать на роль лидера в исламском мире, сохраняя при этом дружеские отношения с США и Западной Европой. Умеренный исламизм – это своего рода императив, компромисс между Западом и Востоком.

В странах же арабского Востока процесс становления государственности приобрел, достаточно острый, конфликтный харак-

тер. К примеру, Египет, достаточно крупное по численности населения арабское государство, испытывает определенные трудности. Они обусловлены особенностями развития цивилизации, сочетающей элементы различных культур и религий. Египетское общество достаточно многоликое, объемное и, как следствие, ему присуща авторитарная модель политической системы. Наличие авторитарного лидерства обеспечивало относительную стабильность на протяжении первых десятилетий независимости египетского государства, реализацию лидерских амбиций в арабском мире. Противостояние воинствующего исламизма и государства обусловило попытки поиска модели государства, сочетающего ислам и демократические ценности.

Современное египетское общество переживает сложный период развития. Поликонфессиональность обуславливает конфликт различных идеологий: либерализма, национализма и ислама, представленного различными течениями. Приход к власти радикалов «Братьев-мусульман» окончательно расколол и дестабилизировал египетское общество, обусловил эскалацию противостояния. Для египетского общества характерно определяющее влияние армии, силового фактора на политическое развитие. Если в Турции армия постепенно теряет свои позиции, то в Египте она их сохраняет, обеспечивая тем самым конституционный характер, предотвращая опасность раскола общества. Затянувшаяся конфронтация существенно ослабила позиции Египта как регионального лидера и позволила активизироваться радикальным силам в арабском мире.

Феномен умеренного исламизма характерен для правящей Партии возрождения Туниса, страны достаточно своеобразной. Она позиционирует себя как умеренно исламистская. Программа партии декларирует приоритет демократии и либеральной экономики, свободу совести и печати, свободы вероисповеданий религиозных меньшинств и сохранение широких, по мусульманским меркам, свобод женщин. Такая продемократическая направленность стала возможна благодаря ориентации на страны Евросоюза и прежде всего на Францию и Турцию. Лидер партии Гамид Гануши сравнивает ее с Партией справедливости и развития Турции. Двадцать лет подполья и изгнания помогли сформировать идеологию «Энагде», которая в настоящее время является проводником реформ в Тунисе. Избиратели оценили в этой партии не исламскую легитимность, а мысль о том, что свобода завоевывается в политической борьбе за социальную справедливость. Лидер партии укрепил свою репутацию демократически мыслящего политика, когда договорился о распределении постов в руководстве

страны с прогрессивно настроенными деятелями из социал-демократической и Республиканской партии президента Марзуки.

Идея альянса ислама с либерально-демократическими левыми силами становится достаточно реальной в условиях функционирования демократических институтов. На уровне политической стратегии требования «Братьев-мусульман» сочетаются с требованиями большинства демократических партий. В то же время заявления о преемственности развития турецкого либерального общества являются несостоятельными. Как отмечают некоторые исследователи, современный турецкий «уверенный исламизм» для многих просто недостижим. Модернизация турецкого общества обусловила радикальные изменения в различных сферах общества. Как следствие, из этого последовательно-успешного развития сложился средний класс. Именно он является носителем умеренного исламизма, который для большинства турок ассоциируется с понятием прогресса, либерализации страны. В Египте же с момента революции средний класс не показал себя как руководящая сила. Голос среднего класса был заглушен воплями бедноты, требующей не развития демократических свобод, а справедливости, равного распределения национальных богатств и введения норм шариата.

Арабский мир так устроен, что им может управлять сильная харизматическая личность типа М. Каддафи или Х. Мубарака, либо фундаменталистские лидеры. Арабскому обществу потребуется достаточно много времени, чтобы достичь такого уровня политической культуры, которым располагает современная западная цивилизация. Это фатальное отставание в развитии стимулирует напряженность и конфликтность.

Турецкая модель развития умеренного исламизма состоялась и, возможно, некоторые арабские страны последуют примеру Турции. Сочетание национализма и исламизма стало основанием для утверждения исламской демократии по подобию европейской христианской демократии. В программе, принятой на первом съезде ПСР, указывалось, что главной целью является обеспечение на базе национальной специфики подъема во всех областях, а также духовного и культурного развития. Лаицизм трактовался как обеспечение свободы религии и совести от всяких посягательств. Национализм же понимался как соответствие исторически сложившимся национальным и духовным ценностям, как основа духовного единства. Консолидация турецкого общества посредством паритетного сочетания либеральных ценностей и традиций обусловила ее активизацию и популярность как политического игрока.

Активная внешняя политика, претензии на роль регионального лидера не только в тюркском, но и исламском мире порой не стыкуются с ситуацией в регионе. Гражданская война в Сирии обозначила негативную позицию по отношению к режиму Асада и поддержку мятежников, являясь логическим продолжением неприятия Ирана как регионального лидера и союзника Сирии. Давние межгосударственные противоречия Ирана и Турции приобретают отчетливо выраженный религиозный характер. Конфронтация в Сирии располагает соответствующей идеологической и политической подоплекой: неприятие идеологии правящей партии, которая якобы обеспечивает интересы шиитского меньшинства и самого правящего режима недемократичного и авторитарного по определению. Эта позиция неприятия правящего режима совпадает с политикой Саудовской Аравии, а также монархических режимов Персидского залива. Являясь идеологическим центром исламского мира и обладая значительными ресурсами, она претендует на роль регионального лидера.

Идея исламского единства не подвергается сомнению, но на практике не предполагает ее развитие. К примеру, ирано-иракская война усилила раздоры и дезориентацию в исламском мире, конфронтацию и ослабление позиций Ирака как регионального лидера. Нерешенная палестинская проблема и отношение к Израилю опосредуют реализацию лидерских амбиций. Идея неприятия Израиля достаточно популярна, но ее реализация предполагает разные подходы, обусловленные внешнеполитической ориентацией каждого отдельного арабского государства. Иран и Сирия последовательно выстраивают антиизраильскую политику.

Авангардные амбиции этих государств, их претензии на лидерство вызывают неодобрение, несогласие, а порой и конфронтацию со стороны монархических режимов. Свержение режима Каддафи означало начало открытого противостояния с теми, кто не согласен с позицией Саудовской Аравии и Катара. Сирийский конфликт – это не что иное как продолжение конфронтации борьбы за лидерство. Идея свержения авторитарного лидера воспринимается положительно в США. Она рассматривается как борьба за демократию и справедливость, установление лояльного режима, проповедующего умеренный ислам. Практика развития современной цивилизации убеждает в том, что невозможно обеспечить стабильность, ориентируясь только на демократические ценности. Мировое развитие приобретает многовекторный характер. В свое время Советский Союз попытался провести интервенцию советской модели в Афганистане и тем самым спрово-

воцировал напряженность на Среднем Востоке, а теперь США и союзники по НАТО пытаются повлиять на исламский мир. Опора на умеренный ислам несостоятельна, поскольку он не является достаточно популярным в арабских странах.

Никто из современных аналитиков не пытается прогнозировать развитие ситуации на Ближнем Востоке и чем закончится противостояние в Сирии. От этого будет зависеть, какое из вышеперечисленных государств станет признанным лидером в арабском мире. США оказывает всяческое содействие Саудовской Аравии, полагая, что она должна быть лидером. Возможно, так и произошло бы в случае свержения режима Б. Асада. Но война продолжается и становится все более непопулярной не только на Западе, но и в арабском мире.

В Египте продолжается противостояние между исламистами, представителями свергнутого президента, и сторонниками демократического развития. Мирная конференция по Сирии позволит начать переговорный процесс и стабилизировать ситуацию. В случае завершения войны проблема лидера станет как никогда актуальной. Упрочится альянс Сирии и Ирана, к которым может примкнуть Ирак после вывода иностранных войск. Группа государств примет на себя полномочия лидера, своеобразного центра исламского мира. Возможно развитие событий по такому сценарию, если не возникнут непредвиденные обстоятельства и ситуация выйдет из-под контроля. В этой связи важно осознать, что бывшее единство под эгидой арабского халифата и Османской империи – принадлежность истории. И в нынешних условиях необходимо научиться договариваться, дабы обеспечить бесконфликтное развитие самобытной цивилизации. Важно, что исламский мир стоит на пороге преобразований, от характера которых зависит развитие мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу, Али-Маудуди. Образ жизни в исламе / Али-Маудуди Абу. – М., 1996. – 200 с.
2. Jalcin, S. Hangi Erbakan – Ankara // Basak iynlari. – 1994. – 320 s.
3. Cumguriyat. – 1996. – 17. XI.
4. Gunayden. – 1997. – 20. XII.

SUMMARY

In this article the phenomena of state leadership has been considered. It is investigated on the example of the separate Arabic and Islamic states development, such as Turkey, Saudi Arabia, Iran, etc. The special position in Islamic world occupies Turkey. It is seeking to use its influence in Islamic world as a caliphate center for basing new model of region ruled by governor-general, combining Islamic tradition and liberal experience. The leadership ambitions in Islamic world provoke global regional tension.

Поступила в редакцию 13.01.2014 г.